

К.З. Махмудова

КАВКАЗСКИЙ ВЕКТОР В ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ ПЕТРА I (1700–1722 гг.)

К.З. Махмудова*

Аннотация. С началом правления в России Петра Первого активизируется политика на Кавказе. Нарастают и претензии Сефевидского Ирана и Османской Турции на господство в регионе, и в особенности на западном побережье Каспийского моря. Военное усиление с одной стороны, а с другой – взвешенная и достаточно прагматичная, а зачастую и щедрая на дары местным владельцам политика предопределила дипломатические, политические, военные успехи России на Кавказе в противоборстве с восточными державами в первой четверти XVIII в. Главным военно-политическим итогом стало временное присоединение прикаспийских областей Восточного Кавказа в результате Каспийского (Персидского) похода. Поход по своей масштабности, стратегическим целям и военно-политическим последствиям не имел себе аналогов в мировой истории этого периода.

Ключевые слова: Российская империя, Сефевидский Иран, Османская Турция, Северо-Восточный Кавказ, повстанческое движение, Хаджи-Дауд Мюшкюрский, антииранское движение, «шемахинский инцидент», А.П. Вольтерский, подданство, Каспийский поход.

Вступление в XVIII век ознаменовалось активной политикой России на Кавказе. Русско-турецкий мирный договор 1700 г., заключенный после окончания успешной войны коалицией России и европейских государств против Османской Порты, не только закрепил за петровской державой Азов с прилегающей областью, но и создал новые возможности для активного влияния на северокавказские события. Недовольная результатами войны Порты пыталась поднять против России горские народы. Некоторые успехи такой политики имели место: в 1704 г. отдельные чеченские и кумыкские феодалы намеревались заключить с вассалом султана – крымским ханом союз с целью уничтожения царских укреплений на Тереке. Со своей стороны правители Крыма стремились укрепиться в землях «черкесов» и завязать отношения с народами, находившимися вне сферы их влияния, прежде всего с кумыками и чеченцами. Но политическая ситуация складывалась неоднозначно, и в 1706 г. некоторыми князьями Чечни — «брагунскими беками» «покровительство» России вновь было признано [6, с. 531].

Новый крымский хан Каплан-Гирей, посаженный Стамбулом на трон в 1707 г., решил направить войска на Северный Кавказ до самой Кабарды с целью полного подчинения горцев, не довольствуясь формальным признанием подданства и военным союзом. Первые отряды хана, размещенные в Кабарде, были истреблены, и Каплан-Гирей двинулся вновь в поход с силами в 30–40 тыс. человек, но осенью 1708 г. хан был разбит, «от черкес побежден», бежал и был сменен другим ханом – Девлет-Гиреем.

В то же время происходило подавление петровскими войсками «булавинского бунта» (1707–1708 гг.) на Дону, восстаний в Башкирии, в Поволжье, на Северном Кавказе (Кубань, Те-

рек). Это явилось демонстрацией решительных намерений России как во внутренней, так и во внешней политике. Примечательно, что Османская Порта в этот период не поддержала ни казаков, ни башкиров, ни горцев в антицарском движении. И даже победа России в Полтавской битве 27 июня 1709 г. не изменила ее позицию. И только в конце 1710 г., оценив ситуацию, правительство султана Ахмеда III объявило войну русскому царю. Письмами султан спешно призывал и горских князей Северного Кавказа к войне с «неверными», которые, однако, не выказали стремления поддержать Турцию. В период очередного обострения своих отношений с Россией в 1712–1713 гг. турки вновь обращают серьезное внимание на северокавказские народы. Обеспокоенные резиденты сообщали Петру I, что посланцы крымского хана добрались до Чечни и Северного Дагестана «ко владельцу Андреевой деревни Салтан-Мамуту, другому – Алдигирею, тарковскому владельцу, чтобы оныя владельцы и других тамошних владельцев пригласили и были б единомышленно воли крымского хана...», а князьям была дана от хана «немалая дача» [10, т. 2, с. 11; 11, т. 1, с. 338].

Влиятельный на Северном Кавказе Эндирейский владелец Салтан-Мамут подошел с кумыкско-чеченскими войсками к границам прорусски настроенной Кабарды, предлагая присоединиться к союзу с Крымом, чем «некоторые... поколебал». Петр I, не имея возможности из-за опасения столкновения с Портой открыто поддержать Кабарду, посылал горским князьям крупные суммы денег и предпринимал дипломатические усилия, стремясь удержать дагестанских и чеченских владельцев от давления на Кабарду [14, т. 2, с. 12–14;]. Такая политическая линия была оправдана, и, как отмечалось в донесениях советника российского царя А.

* Махмудова К.З. – к. ист. н., доцент, Чеченский государственный университет, kemsiz@mail.ru

Бековича-Черкасского, привлечение горцев на сторону России отвечало жизненным, как экономическим, так и политическим, интересам государства [11, т. 1, с. 108–110; 21, с. 223–225].

Вместе с тем царское правительство продолжало оказывать серьезную поддержку прорусски настроенной части аристократии Кабарды. С этой целью их «обороняли» как от посягательств крымского хана, так и от владельцев чеченских и дагестанских в их притязаниях на плоскостные земли. При этом кабардинцев всячески поощряли в их стремлениях к господству на плоскости Северного Кавказа. Не случайно в атаманом Краснощекковым в Чечню в 1718 г. участвовали и кабардинцы. Поход закончился разорением здесь плоскостных аулов и захватом 800 пленных, что резко дестабилизировало политическую ситуацию в крае. Отныне чеченские и дагестанские владельцы открывают «явную войну» против Кабарды и царских укреплений на Тереке.

Лавирование между персами, османами, крымцами и Российской империей часто составляло основу внешнеполитической деятельности практически всех дагестанских владельцев. Итогом такого лавирования являлось периодически возникавшее «общее холопство» – признание подчиненности одновременно российскому царю и персидскому шаху [16, с. 169]. Русско-дагестанские, дагестано-ирано-турецкие отношения как в XVII, так и в XVIII вв. знали немало примеров, когда дагестанские правители, в частности тарковские шамхалы, временами имели двойное подданство [14, с. 11–12].

Наряду с традиционным персидским присутствием становятся заметными притязания Стамбула, а правитель какого-либо общества «Дагистанов» мог одновременно получать титулы от султана и шаха, жалованье от шаха и царя. До Каспийского похода российское правительство рассматривало «Дагистаны» как сферу интересов Сефевидов. Это подтверждалось постоянным и щедрым шахским жалованьем шамхалам и уцмиям, зачастую принимавшим характер дани, о чем повествуют российские источники. В 1712 г. А.Б. Черкасский сообщал: «Персияне... для опасения своего кумыцким князьям и шевкалам... жалованье дают, и ежели рассудить их дела, то подоно дани, и расход великой от шаха персидского владельцам кумыцким повсягдно бывает» [11, т. 5, с. 109].

Россия же, втянутая в военно-политическое противостояние с султанской Турцией и Швецией, остро нуждалась в экономических ресурсах. В этой связи вопросы восточной торговли и, соответственно, развитие транзитного Волжско-Каспийского пути приобрело важное значение.

Османская Порта, в свою очередь, также стремилась усилить свои позиции на Южном Кавказе. Усиление предполагало самые решительные меры, вплоть до прямого военного захвата Азербайджана, Восточной Грузии и Восточной Армении [см. 17]. Особое место в реализации геополитических притязаний османов отводилось Северо-Восточному Кавказу, которому предназначалась роль барьера на пути распространения российского влияния на Кавказе и транзитного коридора для переброски осmano-крымских войск на Южный Кавказ в предстоящей борьбе с Персией. Крымский хан намеревался присоединить степные пространства междуречья Кубани и Волги и, опираясь на военно-политические союзы с владельцами Северо-Восточного Кавказа, усилить геополитическое влияние Крыма в Центральном Предкавказье. В контексте такого политического расклада утверждения ряда исследователей, зарубежных и отечественных, что движение на Кавказ для России было не вопросом свободного выбора, а «суровая политическая необходимость», представляются состоятельными.

Это вызывало опасения в шахском правительстве. Так, российская военно-дипломатическая миссия в Кабарду в 1711 году в Исфахане была воспринята как верное свидетельство подготовки России к войне с Ираном. В этой связи и был предпринят Ираном дипломатический шаг – в 1712 г. шахское посольство, в обозе которого насчитывалось около 700 подвод, прибыло в Москву [12, д. 1, л. 118]. Шахский посол Фазил Алибек получил твердые заверения о нерушимости добрососедских отношений России с Ираном, в подтверждение чего российским правительством были удовлетворены просьбы, касавшиеся прав персидских купцов в России [12, д. 1, л. 243]. Более того, Петр I предложил шаху военный союз против султанской Турции, но в 1713 г. в письменной форме был получен отрицательный ответ шахского двора [12, д. 1, л. 270, 271].

Второе десятилетие XVIII века ознаменовалось накалом политической обстановки на Кавказе в связи с тем, что национально-освободительная борьба народов Северо-Восточного Кавказа, а также Азербайджана против Ирана вступила в новую фазу после того, как движение возглавил уроженец Мюшкюрского магала, глава местного суннитского духовенства Хаджи-Дауд. Ему удалось придать стихийным и разрозненным выступлениям более организованный и целенаправленный характер. Известно, что Хаджи-Дауд в своей борьбе руководствовался «особым духовным учением», основное содержание которого сводилось к «свержению иноземной власти и изгнанию правоверных суннитов от тирании и казителей и врагов ислама – шиитов». Призывы

Хаджи-Дауда к борьбе с персами нашли широкий отклик у различных слоев суннитского населения, в том числе и среди знати. Так, к восставшим вскоре примкнули кайтагский уцмий Ахмед-хан и казикумухский владетель Сурхай-хан, продолжал борьбу и Али-Султан Цахурский. Остальные дагестанские владетели придерживались в основном нейтральной позиции. Из общего ряда исключение составлял тарковский шамхал Адиль-Гирей, который прилагал немалые усилия для подавления антишахского восстания. «Когда бунт в Дагестане и Ширване начался, – подтверждает И.-Г. Гербер, – то шамхал по своей мочи трудился оное утушить, токмо он ни добротой, ни силою то учинить не мог» [8, с. 72].

Осознавая возможный крайне негативный для Ирана политический исход, в мае 1714 г. Петр I предложил сенату учинить совет и решить, «каким образом горных народов к нашей стороне приклонить»; при этом было передано на рассмотрение сената письменное донесение князя Бековича-Черкасского о прибытии в Большую Кабарду и Кумыкию посланцев из Крыма с предложением подчиниться турецкому султану и крымскому хану. В донесении Бекович-Черкасский советовал Петру I все горские народы вплоть до персидской границы привести в свою сторону. С учетом таких обстоятельств Петр I нацеливал российское правительство предпринимать меры по изучению экономической и военно-политической ситуации в Прикаспийских областях, Дагестане и в самом Иране. Практические шаги российская сторона сделала незамедлительно – в 1715–1718 гг. в Иране находилось российское посольство А.П. Волынского [7]. 8 июля 1717 г. он направил в Коллегию иностранных дел донесение, содержащее сведения о нарастающей внутривосточной кризиса в Персии, слабости центральных органов власти и сепаратизме северных вассалов, низкой обороноспособности Сефевидского государства и внес предложение о скорейшем вступлении России в войну с шахом [4, д. 2, л. 200 об. – 202]. Тем не менее, подписав с шахом выгодный торговый трактат, в декабре 1718 г. А.П. Волынский вернулся в Санкт-Петербург и представил российскому правительству еще и обстоятельный доклад, к которому был приложен «Журнал на персидскую карту с кратким описанием провинций и городов... и где есть какие пути удобные или нужные к проходам армии» [см. 7]. Петр I высоко оценил результаты дипломатической миссии А.П. Волынского и вскоре назначил его Астраханским генерал-губернатором, что, в свою очередь, усилило присутствие России на юге.

Для усиления влияния России на Кавказе А.П. Волынский предпринял ряд мер дипломатического характера. Был установлен тесный контакт с царем Восточной Грузии (Картлии) Вахтангом VI и

армянскими князьями-меликами, которые обещали выставить вспомогательные силы в случае похода русских войск в Прикаспий [об этом подробно см. 1]. С калмыцким ханом Аюкой удалось достигнуть некоторых договоренностей, усиливавших зависимость ханства от российского правительства. В июне 1719 г. для подтверждения новых условий подданства в Санкт-Петербург прибыл посол калмыцкого хана, о чем английский посол Дж. Джеффрис известил Лондон [15, с. 342–344]. Еще раньше, правильно оценив соотношение сил между Россией и шахским Ираном, тарковский владетель Адиль-Гирей последовательно шел на сближение с царским двором вопреки угрозам шахских властей лишить его титула шамхала. И.И. Голиков отмечал, что шамхал Адиль-Гирей, «... видя с стороны Шахской худые распоряжения и слабость, обратился к Российскому Монарху, отдавая себя в подданство... Его Величества...» [10, с. 218].

В 1718 г. тарковский шамхал Адиль-Гирей вступает в подданство России. В 1719 г. к российскому правительству обратился посол тарковского шамхала Адиль-Гирея Магомедбек Алибкочев. Вслед за шамхалом к России обращались Султан-Махмуд Аксаевский, уцмий Кайтагский и другие владетели [3, д. 3, л. 13]. Чопан-шамхал Эндиреевский в 1719 г. обратился в Коллегию иностранных дел с посланием, в котором он просил сообщить царю, что он и его ближние «служить великому государю готовы и пожитки свои, и улусы, и подданных всех под руки его величества» отдадут [14, с. 43].

Приняв посланцев от Муртузали-шамхала Буйнакского с просьбой принять его в подданство России, 26 августа 1720 г. Петр I издал указ о его принятии в подданство [14, с. 49]. Однако вскоре Муртузали из-за соперничества с Адиль-Гиреем склонился на сторону проиранских владетелей, а находившийся под влиянием кайтагского уцмий утмышский правитель Султан-Махмуд напал на представителей российского посольства, также занял враждебную позицию по отношению к России [14, с. 51].

Астраханский губернатор предлагал: «Которые впредь усмотрены будут из оных народов склонные к стороне его царского величества, таким хотя малое некоторое награждение по моему мнению надлежало б, ибо тем и других привести к склонности возможно» [3, д. 3, л. 8]. Российский император Петр I в целом благосклонно отнесся к этому предложению и указал: «О сем рассмотря також писать кому и какое награждение учинить надлежит» [3, д. 3, л. 10].

Однако Петр I не принял Хаджи-Дауда Мюшкюрского в свое подданство, и это ясно говорило о том, что планы повстанцев не только не соответствовали, но прямо противоречили намерениям

царя. Негативный ответ российского правительства имел серьезные политические последствия, отразившись на внешнеполитической позиции руководителей восстания. С осени 1721 г. Хаджи-Дауд и Сурхай-хан стали добиваться поддержки уже со стороны султанской Турции. Однако османское правительство, стратегические интересы которого в основном сосредоточились на Южном Кавказе, всячески затягивало решение этого вопроса и не торопилось открыто поддержать антииранское движение.

Решительные действия с начала 1722 г. Хаджи-Дауда Мюшкюрского и последовательные набеги на сефевидские города и гарнизоны за пределами Ширвана в конечном итоге привели к освобождению Шемахи. Таким образом наступил конец более чем 200-летнего сефевидского господства в регионе. Власть в Ширване полностью перешла в руки повстанческих сил во главе с Хаджи-Даудом Мюшкюрским. «...взяв в Шемахе и оный город, как и всю провинцию, с Сурхаем разделил», – свидетельствовал И. Гербер [8, с. 95].

Тем временем геополитическая обстановка в регионе, в связи с обострением российско-османского противоборства за персидское наследство на Кавказе, все более осложнялась.

Астраханский губернатор А.П. Волынский предлагал российскому правительству предупредить

османскую экспансию, незамедлительно начав военные действия и присоединив к России прикаспийские провинции Ирана. Приняв предложение губернатора, используя «шемахинский инцидент», Петр I начинает подготовку к военному походу. Одновременно Коллегия иностранных дел написала резиденту И.И. Неплюеву «на их турецкие поступки... прилежно смотреть и о подлинном их намерении всякими образы проведать и нам о том... доносить» [5, д. 4, л. 41], а также стараться, чтобы султан не принял Хаджи-Дауда и Сурхай в свое подданство, учитывая, что османы, пользуясь «замешательствами в Персии, готовы к себе присвокупить» владения на Кавказе [5, д. 4, л. 33].

Таким образом, кавказский вектор в восточной политике Петра I определился достаточно четко, что стало прелюдией его похода к Каспийскому морю, в «Дагистаны» и Азербайджан. При этом следует особо отметить, что решительный выход России на международную арену и все более активное вмешательство в кавказские дела других держав ясно определило контуры «кавказского треугольника» соперничающих сил – Россия, шахский Иран и султанская Турция – и выдвинуло Кавказ в круг центральных проблем мировой политики. Выход к Каспийскому морю открывал геополитические перспективы для России – создание российского евразийского пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абдуллаев Г.Б.** Азербайджан в XVIII в. и его взаимоотношения с Россией. – Баку, 1965; Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. – Баку, 1975; Боцадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических отношениях в XVI–XVIII вв. – Тбилиси, 1974; Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII ввек. – М., 1966; Тер-Авакимова С.А. Армяно-русские отношения в период подготовки персидского похода. – Ереван, 1980.
2. **АВПРИ.** Ф. Дела Андреевской деревни. Оп.101. 1721 г.
3. **АВПРИ.** Ф. Кабардинские дела. Оп. 115. 1719–1720 гг.
4. **АВПРИ.** Ф. Сношения России с Персией. Оп. 77. 1716–1718 гг.
5. **АВПРИ.** Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89. 1722 г.
6. **Алькадари Г.-Э.** Асари-Дагестан. – Махачкала, 1994.
7. **Бушев П.П.** Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. (по русским архивам). – М., 1978.
8. **Гербер И.Г.** Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. – М., 1958.
9. **Голиков И.И.** Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. VIII. – М., 1789.
10. **Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.** Т. 2. – М., 1957.
11. **Полное собрание законов Российской империи с 1649 года.** Т. 1, V. – СПб., 1830.
12. **РГАДА.** Ф. 77. 1711–1713 гг.
13. **РГАДА.** Ф. 119. 1708 г.
14. **Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в.** – Махачкала, 1958.
15. **Сборник императорского Русского исторического общества.** Т. 50. – СПб., 1886.
16. **Соловьев С.М.** Публичные чтения о Петре Великом. – М., 1984.
17. **Сотаев Н.А.** Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. – М., 1991.

CAUCASIAN VECTOR IN THE EASTERN POLICY OF PETER I (1700–1722)

Makhmudova K.Z.

Candidate of Historical sciences, Chechen state University (kemsiz@mail.ru)

Abstract. Since the beginning of the reign of Peter I in Russian policy in the Caucasus is activated. Grow and claims Safavid Iran and the Ottoman Empire to rule in the region, especially on the western coast of the Caspian Sea. Military buildup on the one hand and, on the other hand balanced and pragmatic enough and often generous gifts to the local ruler policy, determined the diplomatic, political, military successes of Russia in the Caucasus in the first quarter of XVIII century. In the confrontation with the eastern states. The main military-political outcome was a temporary connection of the Caspian regions of the eastern Caucasus as a result of the Caspian (Persian campaign). Hike in their scope, strategic objectives and military-political consequences had no analogues in the world history of this period.

Keywords: Russian Empire, Safavid Iran, Ottoman Turkey, North-Eastern Caucasus, the rebel movement, Khadji-Daud Mushkurskiy and anti-Iranian movement, A.P. Volynskiy, nationality, Caspian campaign.